

СУРОВАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Такой подзаголовок можно дать повести известного белорусского журналиста Владимира Саласюка «От июня до июля», опубликованной в третьем-четвертом номерах журнала «Новая Немига литературная» за 2008 год.

Это первое произведение в белорусской литературе, посвященное одной из тем, которые до недавнего времени считались запретными.

Не следует забывать, что в Советском Союзе в целом и в БССР в частности с 1948 года до середины 1980-х годов фактически проводилась политика государственного антисемитизма и «еврейская тема» находилась в числе запретных.

Можно сказать, что в СССР тема о евреях-партизанах и евреях-подпольщиках многие десятилетия была закрыта. Поэтому естественно, что за этот период здесь не вышло ни одной монографии, ни одной научной статьи об участии евреев в Сопротивлении и партизанском движении в СССР и, в частности, в Белоруссии. Единственной публикацией в послевоенные годы по этой проблематике был сборник воспоминаний руководителей и участников советского партизанского движения о своих побратимах-евреях под названием «Партизанская дружба», подготовленный издательством «Дер Эмес» («Правда») в 1947 году и вышедший из печати в начале 1948 года...

Вот что писал украинский историк С.Я. Елисаветский о партизане Шопенгаузере, который воевал в партизанском соединении генерала Ковпака под псевдонимом «Колька Мудрый»:

«Рассказ о Кольке Мудром Вершигора в своей книге «Люди с чистой совестью», изданной в Москве в 1955 году, закончил фразой, которая уже не вошла в последующие издания. Приведем ее здесь: «Я не знал истории его жизни, не знал его фамилии, и только после его смерти близ Кодр (Кодры – село на западе Киевщины) я узнал, что самый смелый автоматчик 3-й роты Колька Мудрый, с которым я беседовал много часов во время привалов в нашем рейде на Правобережье, был евреем». Из всех последующих изданий мемуаров этот фрагмент был изъят».

Примерно то же происходило у нас в Белоруссии с мемуарами начальника штаба партизанского соединения Брестской области Павла Пронягина и других партизанских командиров. Если они писали о евреях-партизанах, еврейских партизанских отрядах или евреях-подпольщиках, то эти страницы текста редакторы просто «вырезали». Интересно, что в мемуарах начальника Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Пономаренко и начальника Белорусского штаба партизанского движения Петра Калинина нет и в помине слова «еврей».

Что касается ученых-историков, то этой темой никто, за исключением Анны Купреевой, не занимался, считая ненужной. Ведь была главная установка – показывать дружбу народов в партизанском движении, акцентируя внимание на белорусах, русских и украинцах. Все остальные попадали в графу «другие национальности».

Некоторые белорусские писатели и журналисты в освещении данной проблемы опередили историков. В первую очередь можно назвать произведения Владимира Карпова, Ивана Новикова, Лидии Арабей.

Но если они только затрагивали эту запретную тему, то Владимир Саласюк посвятил ей всю повесть.

Она начинается рассказом о первых, особенно трагических днях Великой Отечественной войны, когда Красная Армия отступала на всех фронтах, а войска вермахта, несмотря на героическое сопротивление отдельных частей советских войск, неудержимо рвались вперед.

В нашей литературе, пожалуй, не найдешь другого произведения, в котором бы так образно и правдиво был показан расстрел немецкими мотоциклистами колонны еврейских беженцев. На одном дыхании, с большим волнением читаешь следующие строки:

«– Герр лейтенант! Из местечка Калечи по направлению к Неману тридцать минут назад проследовала воинская колонна. В данный момент из местечка в том же направлении вышла колонна беженцев – в основном евреи.

Офицер допил молоко в стакане. Посмотрел на солнечный восход, затем на разведчика и широко улыбнулся.

– Отлично, Курт. Вот с евреев мы сегодня и начнем. Для разминки. По машинам! – И надел каску.

Тотчас взревели моторы, и взвод мотоциклетной разведки, вырвавшись из тесного пространства хуторского двора, помчался в сторону шоссе, поднимая колесами надолго зависающую в нагреваемом воздухе пыль...

Колонна беженцев, почти сплошь евреи от детского до старческого возраста, торопливо-испуганно двигалась по булыжной дороге. Шли в основном пешком. Телеги, запряженные лошадьми, попадались редко: многих лошадей вместе с телегами у беженцев забрали отступающие воинские части. Люди шли быстрым шагом, понукая лошадей, поторапливая детей, вещей у них с собой было немного. Атмосфера подавленности и обреченности царил в гонимой ужасом толпе беженцев. Шли молча, словами перебрасывались редко – о чем уже говорить? Даже дети малые, которых вели за руки, не плакали, не ныли, не капризничали. Они шли, спешили на восток, надеялись уйти от судьбы, от наступающей, нагоняющей их страшной, злой, беспощадной силы, надвигающейся всеобщей гибели.

И вдруг с левой стороны, из распада, послышался мотоциклетный треск. И почти все головы шедших в колонне беженцев тотчас повернулись на звук, и

глаза их – большие, темные, восточные, чуть навывкате глаза, – тотчас наполнились страхом, отчаянием, ужасом. А уже в следующее мгновение они увидели развернувшийся боевым порядком в их сторону мотоциклетный взвод немцев. Не успели в толпе и выдохнуть, как взвод ударил по колонне из всех своих десяти пулеметов. И тотчас же нечеловеческий крик боли, страха, смертельного ужаса взвился над толпой. И все шедшие в колонне, точно обезумев, в едином порыве метнулись в правую сторону от дороги – в поле со свежими копнами сена, побежали, помчались к темневшему вдаль лесу. Но мощные мотоциклы уже лихо вынесли на шоссе эти страшные пулеметы. И пулеметчики азартно ударили вслед рассыпавшейся в поле человеческой толпе: та-та-та-та...

Мельканье ног – мужских, женских, детских. Перекошенные ужасом лица, глаза – то застывшие, мертвые, то расширенные от ужаса. Истерические крики и стоны, брызнувшие мозги, бьющая фонтаном кровь. Старики, отбежав, сколько хватало сил, падали за копны свежего пахучего сена в наивной надежде найти здесь спасение, а кто помоложе, сильнее и крепче продолжали бежать к лесу, падая, переползая, поднимаясь и опять бросаясь к спасительной и уже не очень-то далекой лесной чаще. Но почти все падали не добежав, простреленные насквозь. Таким оказалось их еврейское счастье».

Через судьбы польской еврейки Дины Янковской и сына русского народа Павла Пранягина В.Саласюк рассматривает борьбу белорусов, русских, евреев и представителей других народов СССР против их общего врага – немецких оккупантов и их пособников – коллаборационистов. Он не утаивает трудностей в их взаимоотношениях, показывая героизм и самопожертвование одних и подлость и даже измену Родине других. Читатель запомнит героев повести – врача из Слонима Михаила Моисеевича, его жену Розу Абрамовну, их дочь Софу, подпольщиков Слонимского гетто Натана Ликера, Зораха Кременя, Голду Герцовскую, Неню Циринского, Лию Штейндман и, конечно, Дину Янковскую.

Именно она крикнула собравшимся в подполье столярной мастерской гетто:

«– Хватит изображать из себя борцов-подпольщиков, сотрясателей вселенной, оставаясь на самом деле мелкими вредителями-короедами! Надо самим брать за оружие! Фашистов надо убивать, убивать, убивать! Надо уходить к партизанам. Они есть, они рядом – все знают, как они расстреляли грузовик с жировичскими полицейскими. А мы вооружены – не с пустыми руками придем. Каждый уже собрал для себя безотказный автомат. Патроны есть. Чего мы ждем?»

Дину Янковскую поддержали один из организаторов подполья Неня Циринский и подпольщик Зорак Кремень. Было решено найти связи с партизанами.

Литературный талант Владимира Саласюка особенно ярко проявился в описании душераздирающей сцены встречи узницы Слонимского гетто Софы с полицейским Василием и страшной гибели их сына Миши.

Так уж получилось, что в начале войны еврейская девушка Софа полюбила красноармейца Василия и забеременела от него. Тайно в гетто она родила ребенка. Во время очередного погрома в Слонимском гетто Софа бежала из него с маленьким сыном и наткнулась на группу украинских полицаев, среди которых оказался и Василий.

А дальше вот что произошло:

«...Софа, неимоверно счастливая, схватила ребенка, чмокнула в лобик и тотчас протянула Василию. С недоуменным видом он взял младенца в руки, тот крикнет,

сопел, барахтался, пеленки раскручивались и падали. Софа поддерживала малыша снизу, счастливо смеясь....

– Смотри, Васенька, смотри. Он же весь в тебя, – говорила Софа. – Такой крепенький мальчик. Такой хорошенький.

Василий поднес малыша ближе к лицу. Словно пытаясь разглядеть, что между ними общего... В дверях появился второй полицейский, утирая лоб рукавом.

– Та у тебя, Васыль, сын от жидовки, – сказал он, тяжело переводя дыхание после бега. Василий смотрел на товарища. И взгляд его менялся.

– Да, у нас сын, – ответила вместо него Софа.

– Ты знаешь, Васыль, что хлопцы в батальоне с тобой зробят за то, что с жидовкой путаешься? Знаешь? Вбэй жидыня.

Мертвая тишина оцепенения продлилась минутой.

– Не могу, – присипел Васыль, все еще держа в руках ребенка, но уже не глядя на него.

И тогда второй полицейский мгновенно схватил своей лапой ребенка за голую ножку и одним махом шваркнул его головкой о дверной столб сарая».

После этого страшного погрома более семидесяти боеспособных вооруженных людей из Слонимского гетто влились в боевой партизанский отряд под командованием Павла Пронягина. Их включили в 51-ю роту во главе с евреем Федоровичем. Среди бойцов была и Дина Янковская.

Не только широкому читателю, но и многим историкам партизанского движения в Белоруссии неизвестен тот факт, что 2 августа 1942 года партизанский отряд им. Щорса под командованием П.В.Пронягина атаковал город Коссово Брестской области, разгромил немецкий гарнизон и освободил более 200 узников Коссовского гетто, часть которых присоединилась к партизанам. Эта операция нашла яркое отражение в рецензируемой повести «От июня до июля». Правда, здесь фигурирует другая цифра – более 300 освобожденных узников.

Именно тогда зародилась любовь партизанского командира Павла Пронягина и партизанки Дины Янковской.

В 1992 году в беседе с автором этих строк командир партизанского отряда им. Щорса, в составе которого была еврейская партизанская группа № 51 под командованием старшего лейтенанта Ефима Федоровича, а затем начальник штаба Брестского партизанского соединения Павел Васильевич Пронягин отметил:

«Без всякого преувеличения, я восхищался мужеством, героизмом, отвагой этих юношей и девушек, которые еще недавно находились за колючей проволокой гетто. Они бесстрашно шли в бой, желая не только отомстить фашистам за гибель своих родных, но и освободить родную Белоруссию от ненавистного врага. Еврей-партизаны нашего отряда имени Щорса не прятались, а смело шли в бой, прекрасно понимая, что каждый бой может стать для них последним.

Одно время у меня в отряде было 170 евреев. Никогда не забуду смелых и отважных подрывников Натана Ликера, который участвовал в подрыве 28 эшелонов, Зораха Кременя – участника подрыва 20 эшелонов, мужественного Неню Циринского, через которого я держал постоянную связь с подпольем Слонимского гетто».

Многие страницы повести В.Саласюка служат подтверждением этой высокой оценки Пронягиным деятельности евреев-партизан его отряда.

Автор этого произведения затронул тему, которую до сих пор пытается замолчать подавляющее большинство белорусских ученых-историков – о наличии антисемитизма не только среди партизан, но и среди высшего советского партизанского командования Белоруссии. На многих страницах повести Владимир Саласюк предстает не только талантливым писателем, но и дотошным исследователем, тонким психологом и аналитиком. Он пишет:

«В начале мая Дина родила славного мальчика, его так и нарекли – Славик. И определили на воспитание в крестьянскую семью в той деревне, где расположился штаб соединения...

На одном из совещаний командиров отрядов Сидорский (командир соединения, секретарь обкома партии, в котором угадывается секретарь Брестского подпольного обкома КП(б)Б, командир Брестского партизанского соединения, удостоенный звания Героя Советского Союза, ставший после войны первым секретарем Могилевского обкома партии, министром внутренних дел БССР – Э.И.) вдруг заговорил о самом Пранягине. Он похвалил организаторские способности, отметил его роль в организации партизанского движения и личные боевые качества. А потом неожиданно назвал имя Дины. Напомнил о том, что она из буржуазной еврейской семьи. Да, в боевых действиях она проявила себя смелым, решительным бойцом. Но при этом она своенравная, неуправляемая, склонная к анархизму и безответственным высказываниям. Но самое главное – являясь сожительницей, даже женой начальника штаба соединения, она как бы протекционировала мелкобуржуазным настроениям и анархическому поведению многих бойцов еврейской национальности.

Пранягин был опарашен. Он молчал, не знал, что ответить. Ведь как бы само собой ясно: они – семья. Что еще кому надо? Но тут стали подниматься некоторые командиры и завели ту же волюнку, но в более корявом, примитивном изложении. После выступления Сидорского не сочла возможным промолчать и его челядь – комиссар, редактор газеты, чины помельче. Говорили о партии, о тяжелой войне, об интернационализме, о невозможности быть коммунистом и жить с женщиной из буржуазной семьи.

– Да ладно. Пусть бы только из буржуазной – могла бы отречься и порвать с семьей, – снова заговорил Сидорский. – Но скажите мне, – обратился он к командирам отрядов и соединений, – может ли начальник штаба видного, известного в Москве партизанского соединения жить с еврейской женщиной?..

– Да что ты, Павел Васильевич, за нее уцепился? – вдруг заговорил один известный своей грубостью и прямоотой, которой маскируется подхалимство перед начальством, – командир. – Тебе что – баб мало? Так скажи, какую тебе надо, мы любую доставим. Хоть целый взвод...

Сидорский, довольный таким выражением «народного» мнения, весело засмеялся.

– Слышишь, что люди говорят? Откладывать некогда, решай сейчас – раз и навсегда. Мы ее отправим в семейный отряд, твоя привязанность к ней пройдет. Появится другая женщина. А ребенок, сын, останется с тобой. Надо поступить решительно. По-мужски. Пред тобой карьера, рост. Прямо сейчас, не заходя домой, поезжай в отряды, а мы тут все решим.

И вдруг заговорили другие командиры. Да все о том же: еврейка да еврейка.

Пранягин молчал, молчал, молчал. Мало того, что он совершенно не ожидал подобного разговора, он не предполагал, что против него вдруг может быть организован такой грубый, настойчивый коллективный натиск со стороны тех, прежде всего, кого это вовсе не касалось, – партизанских командиров. Многих из них он принимал в отряд в сорок первом – сорок втором, когда они были потерявшими от скотского отношения к ним в плену человеческий облик...

И вот сегодня они повели себя как псы – какое они имели моральное право касаться его личной жизни? ...Но ему высказали слова-гнет, слова-угрозы. Говорили злобно – «еврейка». Из зависти? Из неприязни к Дине? К евреям? Попробуй найди ответ... И острой болью в сердце, тяжестью на душу его человеческую навалилась вдруг тоска-маята, какой не испытывал никогда вообще: предательство. Да, это предательство. В самые тяжкие времена сорок первого – сорок второго годов, когда замерзали, гибли, голодали, ничего подобного не случалось. Провокаторы-шпионы встречались. А чтобы промеж себя вдруг разделиться, вдруг обвинить из-за национальности – и в голову не приходило. Значит, внутренние враги – евреи. Это сегодня, а завтра кто?

Он понял, что этот разговор – не пустое перемальвание слов. Не примитивная попытка «перевоспитания», а приговор. Или ты делаешь, как мы говорим, или тебя не станет – такого. Его просто уничтожат. А затем Дину. Подчиниться, послушаться, выполнить их требование – единственная возможность в данных условиях остаться в живых».

Немало страниц повести отведено деятельности еврейского семейного партизанского отряда под командованием Зорина. Описан расстрел десяти партизан из этого отряда под командованием Леонида Оппенгеймера отрядом Армии Крайовой во главе с хорунжим Нуркевичем по кличке «Ночь», который произошел в ноябре 1943 года. Автор повести отмечает, что чудом спасся недострелянный аковцами, раненый Лев Черняк. В действительности, кроме него спасся еще один «зоринец» – Абрам Тейф.

Повесть заканчивается встречей Павла Пранягина и Дины Янковской на белорусской земле в 1992 году на торжественном открытии памятного знака в честь 50-летия со дня штурма Коссово и освобождения от гибели белорусскими партизанами узников Коссовского гетто.

Реквиемом погибшим за свободу и независимость нашей Родины станут заключительные строки рецензируемой повести:

«И они соберутся – в последний раз – те, кто еще остался жив из их героического отряда партизан Великой Отечественной. И выпьют по русскому обычаю поминальную чарку за всех своих товарищей, кого уже нет вместе с ними, выпьют за победу, а Дина с Павликом, то есть с Павлом Васильевичем, и за любовь, единственную, настоящую, случившуюся в их жизни именно в те далекие годы».

Если бы не изменение некоторых фамилий героев книги, повесть В.Саласюка можно было бы назвать документальной. Несомненно, автор изучил архивные материалы, другие разнообразные источники и переосмыслил их. Произведение написано хорошим литературным языком, помогает воспитывать не только патриотов, но и настоящих интернационалистов.

Есть все основания считать, что белорусская литература обогатилась оригинальным произведением. Хочется надеяться, что повесть выйдет отдельной книгой и с ней познакомится значительно больший круг читателей.